

было бы поставить ихъ на ту ногу, на которой желательно ихъ видѣть. Но это только мои разсужденія съ вами, о которыхъ вы ничего не будете говорить тамъ, гдѣ вы находитесь». Съ своей стороны и Екатерина поддерживала тотъ же образъ дѣйствій. Она поручила Сольмсу передать королю, что послѣднее письмо его доставило ей необычайное удовольствіе. Она прочла въ немъ несомнѣнныя чувства самой искренней дружбы и явное желаніе связать интересы обоихъ государствъ для наибольшаго пріуспѣянія ихъ общаго дѣла. Она вполне раздѣляетъ предполагаемаго его величествомъ мѣры и по поводу ихъ выскажется болѣе опредѣлительно въ своемъ отвѣтѣ на письмо его величества.

Но прежде, чѣмъ они успѣли опредѣлительнѣе высказаться—если требовалось еще что-либо высказывать—случилось событіе, существенно измѣнившее обстоятельства, а слѣдовательно и мѣры, какія нужно было принять: польскій король умеръ. Какъ ни давно предвидѣно было это событіе, тѣмъ не менѣе оно произвело дѣйствіе электрическаго удара на Фридриха и Екатерину. И не мудрено: наступалъ роковой моментъ рѣшительныхъ, безповоротныхъ дѣйствій—роковой въ особенности для Фридриха, у котораго вопросъ о жизни и смерти Пруссіи стоялъ на картѣ и который однакоже не зналъ еще достоверно, какъ поведетъ свою политику Екатерина: не вздумаетъ ли она, «сдѣлавши польскаго короля», эманципироваться отъ его, Фридриха, вліянія... Повидимому оба предусмотрительные партнера заранѣе приняли мѣры, чтобы немедленно, по совершеніи ожидаемаго событія, получить о немъ извѣстіе такъ скоро, какъ это физически возможно. Вѣроятно вдоль всего пути отъ Варшавы до Берлина и Петербурга были заготовлены перемѣнные курьеры, потому что смерть короля польскаго послѣдовала 5 октября, а 7 Фридрихъ и Екатерина уже слали другъ другу эстафеты. Встрѣтившіяся въ дорогѣ письма ихъ по этому случаю должны были обоихъ ихъ привести въ восторгъ, ибо они ясно показывали, какъ отлично союзники понимаютъ другъ друга и какъ вполне могутъ положиться одинъ на другого. Фридрихъ особенно имѣлъ поводъ радоваться, такъ какъ Екатерина не только прямо просила у него совѣта, но и выказала себя такой удивительно способной ученицей, какой лучше нельзя и желать: она о своихъ намѣреніяхъ писала ему какъ разъ то самое и мѣстами почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и онъ ей. А онъ, по обыкновенію, подавалъ ей благоразумные совѣты и на этотъ разъ предписывалъ ту энергію дѣйствій, отъ кото-